

6. Литовкин, Е. В. Теоретико-методологические проблемы современной истории социально-культурной деятельности / Е. В. Литовкин // Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика : межвузовский сборник научных статей / ред.-сост. В. В. Туев. – Кемерово : КемГАКИ, 2002. – 177 с.

7. Ярошенко, Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности : учебник / Н. Н. Ярошенко. – М. : МГУКИ, 2007. – 360 с.

*В. В. Сащико,
кандидат культурологии,
доцент кафедры театрального творчества*

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ПОЭМЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КРЫСОЛОВ»

Подлинный смысл любого художественного произведения раскрывается лишь при верном понимании его контекста. Само понятия контекста полифонично – оно вбирает в себя не только смысловые связи внутри отдельного текста. Контекстуальность отражает широкие диалогические связи текста с культурно-историческим фоном, сопутствовавшим созданию какого-либо художественного произведения. Культурологическое исследование этого фона («второго плана» в терминологии театрального искусства) позволит выявить подлинные смыслы, составляющие ядро художественного произведения.

По словам М. Бахтина, «всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично, <...> каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [1, с. 181]. Опираясь на эту мысль, попытаемся взглянуть на поэму М. Цветаевой «Крысолов» как на произведение, в котором отражается диалог автора с эпохой, и выявить особенности этого диалога. Исследование поэмы имеет целью определение диалогических связей двух важнейших для понимания художественного текста уровней. Первый уровень зримый (эксплицитный) – текст. Второй уровень – подразумеваемый (имплицитный) – уровень контекста, подтекста (подлинного, скрытого за словами смысла) и надтекста (символического смысла).

В культурологическом ракурсе текстом поэмы является средневековая немецкая легенда о Крысолове, который освободил город Гаммельн от нашествия крыс, но не получил за это обещанной платы и в отместку увел из города всех детей и

погубил их. Однако уже в этой эксплицитной фольклорной основе поэмы заложена двойственность, которая выражается в смешении немецкой и русской культурных традиций. Под оболочкой немецкой легенды скрывается русская мессианская идея о Китеж-граде. Рабочие тетради М. Цветаевой позволяют узнать, что в изначальном замысле поэма должна была завершаться следующим образом: «Озеро – вроде Китеж-озера, на дне – Вечный Град, где дочка бургомистра будет вечно жить с Охотником» [4]. В окончательном тексте поэмы нет ни единого слова о Китеж-граде, однако сама поэтическая форма финала «Крысолова» пронизана эстетическим ощущением просветления, спасения (это в переписке с М. Цветаевой отмечал Б. Пастернак [3, с. 376]), которое можно объяснить психологическим «эффектом преодоления содержания формой» (понятие Л. Выготского). Изначальный замысел Китеж-града уходит из текста поэмы в ее подтекст. Таким образом, сама текстовая структура поэмы бинарна: буквальный смысл текста говорит о гибели детей, а форма этого текста создает иной символический (надтекстовый) смысл – спасение детей.

Исследование культурно-исторического контекста написания «Крысолова» позволит выявить подлинный подтекст поэмы. М. Цветаева отмечала, что писала «под диктовку крыс». Эзопов язык поэмы отражает революционные события в России 1917 г. и приход к власти большевиков. Именно их в образе крыс выводит Цветаева в поэме во всем мастерстве своего поэтического языка. Один из ключевых конфликтов поэмы («голод голодных и сытость сытых») отражает крупнейшее культурно-историческое событие эпохи – восстание «красных» против буржуазного общества. Очевидно, что М. Цветаева с ужасом и неприязнью относится к «красному человеку», однако и буржуа не вызывает у нее симпатий. Более того, в поэме высказывается мысль, что именно предельная «сытость сытых» провоцирует восстание «голодных». Гаммельнцы (буржуа) воплощают в себе образ духовного мещанства. При этом Цветаева описывает парадоксальный культурный феномен, который она наблюдала: революционеры, свергнув буржуазный строй и получив власть и ресурсы, сами стали погружаться в духовное мещанство. Так, крысы в поэме после завоевания Гаммельнасами постепенно начинают превращаться в буржуа. Именно эти события формируют подтекст поэмы, его имплицитные смыслы.

Однако в поэме существует линия, которая выводит произведение за рамки культурно-исторического контекста в контекст вневременной, философский. Если обратиться к тексту, то можно увидеть, что в нем разыгрываются два основных конфликта: гаммельнцев и крыс, гаммельнцев и Крысолова. Образ Крысолова-Флейтиста выходит за пределы локального культурного контекста в область философско-символическую – надтекстовую. Очевидно, что для самой М. Цветаевой Крысолов – это образ поэзии, которая сталкивается с миром мещанского быта. Тем не менее, противостоянием поэзии и быта конфликт в поэме не исчерпывается. Он выходит в иную сферу – сопряжения быта и бытия, конкретной социальной жизни человека и целостного существования в мире. И здесь Крысолов становится культурным героем, наделенным чертами трикстера, способного как творчески очистить и обновить, так и уничтожить мир. Крысолов-Трикстер становится залогом вечности: «Вечность возможна лишь при условии изменения наличного бытия и “взрывной” проверки того, что возведено в этом бытии “в ранг вечного”. Это изменение мы называем творчеством» [5, с. 49]. Крысолов становится культуротворческой силой. И если культура лишается этого обновляющего начала (как в цветаевском Гаммельне бюргеры отказались от союза с Флейтистом), она умирает. Так символически можно оценить увод Крысоловом всех детей из Гаммельна: город без детей есть город без будущего, в то время как сами дети оказываются в мире вечного («Китеж-граде»).

Культурологический подход к поэме «Крысолов» позволил выявить ее диалогическую структуру, которую кратко можно выразить следующим образом. В основе произведения два пласта – эксплицитный (текст средневековой германской легенды) и имплицитный (культурный контекст революции 1917 г.). В свою очередь, если рассматривать оба эти пласта независимо друг от друга, в каждом из них можно обнаружить глубокий смысл, выражающий надтекстовый уровень поэмы и затрагивающий вопрос культурной динамики и диалектического взаимодействия быта и бытия.

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

2. *Кухта, Е. А.* Надтекст / Е. А. Кухта // Театральные термины и понятия : материалы к словарю ; выпуск II / состав. С. К. Бушуева,

А. П. Варламова, Н. А. Таршис ; ред. А. П. Варламова. – СПб., 2010. – С. 116–117.

3. Переписка Бориса Пастернака / Вступ. статья Л. Гинзбург ; сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак. – М. : Худож. лит., 1990. – 575 с.

4. *Цветаева, М* Сводные тетради : тетрадь вторая / М. Цветаева // Наследие Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_2tet_17.php. – Дата доступа : 01.07.2015.

5. *Чернявская, Ю. В.* Трикстер, или Путешествие в хаос / Ю. В. Чернявская // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37–52.

Г. К. Семянкова,

*кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства
ВДУ імя П. М. Машэрава*

РЭГІЯНАЛЬНАЯ ЛЕКСІКА ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Дыялектызмы з'яўляюцца яркім паказчыкам асаблівасцяў культуры не толькі мясцовага насельніцтва, а і беларускага народа ў цэлым. Разгледзім гэта на прыкладзе абрадавай вясельнай лексікі, прадстаўленай у «Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны» [1; 2], што створаны на аснове дыялектнага матэрыялу, сабранага студэнтамі і выкладчыкамі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава падчас праходжання дыялекталагічнай практыкі ў выязных экспедыцыях і ў населеных пунктах па месцы жыхарства. Тэрыторыяй для даследавання сталі сельскія населеныя пункты Віцебскай вобласці.

Галоўнымі ўдзельнікамі вяселля з'яўляюцца, безумоўна, жаніх і нявеста. Іх на Віцебшчыне прынята называць найменнямі *маладыя* (жаніх і нявеста), *маладая*, *маладóвачка*, *маладúха*, *маладзёнец*, *маладзён*, *маладзёнак*, *маладзік*, *маладзян*.

Ніжэй прывядзём пералічаныя назвы ў кантэксте з захаваннем асаблівасцяў мясцовай гаворкі і са спасылкамі на месца фіксацыі прыкладаў (поўная назва вёскі і скарочаная – раёна):

Маладыя *толькі мн.* Жаніх і нявеста. *Маладыя як прыедуць, будзем іх сустракаць хлебам-соллю.* (Угрынкі Уш.)

Маладзенец, **маладзён**, **маладзёнак**, **маладзік**, **маладзян** *м.* Жаніх. *Глянёце, бабы, маладзёнец ужо едзе да нашай*